

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Иванов. Антон Павлович Чехов

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов Николай Алексеевич, неперенный член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсон.

Шабельский Матвей Семенович, граф, его дядя по матери.

Лебедев Павел Кириллыч, председатель земской управы.

Зинаида Савишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевых, 20 лет.

Львов Евгений Константинович, молодой земский врач.

Бабакина Марфа Егоровна, молодая вдова, помещица, дочь богатого купца.

Косых Дмитрий Никитич, акцизный.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Иванова и управляющий его имением.

Авдотья Назаровна, старуха с неопределенною профессией. Егорушка, нахлебник Лебедевых.

1-й гость.

2-й гость.

3-й гость.

4-й гость.

Петр, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевых.

Гости обоего пола, лакеи.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I

Сад в имени Иванова. Слева фасад дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечереет. При поднятии занавеса слышно, как в доме

разучивают дуэт на рояле и виолончели.

Иванов и Боркин. Иванов сидит за столом и читает книгу. Боркин в больших сапогах, с ружьем показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к

нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (Садится.) Испугал и радуется...

Боркин (хохочет). Ну, ну... виноват, виноват. (Садится рядом.) Не буду больше, не буду... (Снимает фуражку.) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа семнадцать верст отмахал... замучился... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется... Иванов (читая). Хорошо, после.

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте. (Берет его руку и прикладывает к груди.) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту. Это значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скоропостижно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру? Иванов. Я читаю... после...

Боркин. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам будет жаль, если я умру? Иванов. Не приставайте! Боркин. Голубчик, скажите: будет жаль? Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно.

Боркин (смеется). Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут пет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?

Иванов. Это наконец невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Боркин. Ну, ну... виноват, виноват!.. Бог с вами, сидите себе... (Встает и идет.) Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. (Возвращается.) Ах да! Чуть было не забыл... Пожалуйста восемьдесят два рубля!..

Иванов. Какие восемьдесят два рубля?

Боркин. Завтра рабочим платить.

Иванов. У меня нет.

Боркин. Покорнейше благодарю! (Дразнит.) У меня нет... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?

Иванов. Не знаю. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалованье получу.

Боркин. Вот и извольте разговаривать с такими субъектами!.. Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром!..

Иванов. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркин. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить!.. (Машет рукой.) Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли - и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. (Шагает по сцене.) Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну нет-с, не на такого напали...

II

Те же, Шабельский (за сценой) и Анна Петровна.

Голос Шабельского за окном: "Играть с вами нет никакой возможности... Слуха у вас меньше, чем у фаршированной щуки, а туше возмутительное".

Анна Петровна (показывается в открытом окне). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Боркин. С вашим Nicolas-voilà еще не так зашагаешь.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена.

Боркин (машет рукой). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Анна Петровна. Скажите, какой тон... К вам этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте... (Мужу.) Николай, давайте на сене куврыкаться!..

Иванов. Тебе, Анята, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (Кричит.) Дядя, закрой окно!

Окно закрывается.

Боркин. Ни забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Иванов. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... (Смотрит на часы.)

Боркин. Вы когда туда поедете?

Иванов. Сейчас.

Боркин (живо). Пойдите, пойдите!.. ведь сегодня, кажется, день рождения Шуручки... Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (Прыгает.) Поеду, поеду... (Поет.) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и – хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы все нервничаете, ноете, постоянно в мерилехлюндии, а ведь мы вместе черт знает каких делов могли бы наделать! Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а все берите, все!..

Иванов. Будет вам вздор молоть...

Боркин. Нет, серьезно! Хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (Дразнит.) "Будет вздор молоть". Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион. Например, будь у меня сейчас две тысячи триста рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч. Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор... Вот дайте мне две тысячи триста рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли, как раз против нас, на две тысячи триста рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и, как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен-зиир {подите-ка сюда (от нем.: kommen Sie hier.)}, – если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч...

Иванов. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите их при себе.

Боркин (садится за стол). Конечно!.. Я так и знал!. И сами ничего не делаете, и меня связываете...

III

Те же, Шабельский и Львов.

Шабельский (выходя со Львовым из дома). Доктора – те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. (Садится на диванчик.) Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадают исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником.

Боркин (Иванову). Да, сами ничего не делаете и меня связываете. Оттого у нас и денег нет...

Шабельский. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя, впрочем... (Зевает.)

Иванов (закрывая книгу). Что, доктор, скажете?

Львов (оглядываясь на окно). То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. (Ходит по сцене.)

Шабельский (прыскает). В Крым!.. Отчего, Миша, мы с тобою не лечим? Это так просто... Стала перхоть или кашлять от скуки какая-нибудь мадам Анго или Офелия, бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодой доктор, потом поездка в Крым, в Крыму татарин...

Иванов (графу). Ах, не зуди ты, зуда! (Львову.) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Львов. Да, отказывается.

Пауза.

Боркин. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Львов (оглядывается на окно). Да, чахотка...

Боркин. Псс!.. нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго.

Львов. Но... говорите потише... в доме слышно...

Пауза.

Боркин (вздыхая). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел и – нет цветка...

Шабельский. Все вздор, вздор и вздор... (Зевает.) Вздор и плутни.

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порох, но обыкновению, упал на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский (встает и потягивается). Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил... Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин (встает). Пойду купаться... Прощайте, господа... (Графу.) У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысяч двадцать. (Идет.)

Шабельский (идет за ним). Каким это образом? Ну-ка, научи.

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... (Возвращается.) Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мегсі! (Графу.) У вас еще много козырей на руках.

Шабельский (идя за ним). Ну, какие же?

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысяч тридцать, если не больше. (Уходит с графом.)

Иванов (после паузы). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы – все это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспылчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда...

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно серьезно поговорить с вами.

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. (Садится.) Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы.

Иванов (подумав). Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь далее. Самое главное лекарство от чахотки – это абсолютный покой, а ваша жена не знает ни минуты покоя. Ее постоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

Иванов. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, по мысли мои перепутались, душа скована какой-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... (Взглядывает на окно.) Нас могут услышать, пойдемте пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменяла веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в том, милый доктор (мнется), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... (Разводит руками.) Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; саж же я не понимаю, что делается с моей душой...

Уходят по аллее.

IV

Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский (входит и хохочет). Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз! Памятник ему нужно поставить. В себе одном совмещает современный гной во всех видах: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира. (Садится на нижнюю ступень террасы.) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно... Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки! "Вы, говорит, через неделю можете иметь двадцать тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырной туз – ваш графский титул. (Хохочет.) За вас любая девица пойдет с приданым..."

Анна Петровна открывает окно и глядит вниз.

"Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?" Qui est ce que c'est {кто это (фр.)}, Марфуша? Ах, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа.

Анна Петровна. Это вы, граф?

Шабельский. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(Еврейским акцентом.) Зачиво вы смеетесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь... Как это?

Шабельский. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый – одна цена.

Анна Петровна (смеется). Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек. (Серьезно.) Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутки. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно: говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Шабельский. Это что за экзамен?

Анна Петровна. Живем мы с вами под одною крышей уже пять лет, и я ни разу не слыхала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Шабельский. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. Моветон {человек дурного тона (фр. mauvais ton).} и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... нахлебник, приживалка, обезличенный шут. Я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головой и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

Анна Петровна (покойно). Опять кричит...

Шабельский. Кто кричит?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечер кричит.

Шабельский. Пусть кричит. Хуже того, что уже есть, не, может быть. (Потягивается.) Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!.. Только бы вы меня и видели. Ушел бы я из этой ямы, от даровых хлебов, и ни ногой бы сюда до самого Страшного суда...

Анна Петровна. А что бы вы сделали, если бы вы выиграли?

Шабельский (подумав). Я прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в русскую церковь.

Анна Петровна. А еще что?

Шабельский. По целым дням сидел бы на жениной могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не окошел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Шабельский. Хорошо, приготовьте ноты.

V

Шабельский, Иванов и Львов.

Иванов (показывается на аллее со Львовым). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать. Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да храпит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
и здоровее. А жизнь, которую я пережил, – как ока утомительна! Ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого... (Увидев графа, раздраженно.) Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Шабельский (плачащим голосом). А, черт меня возьми, нигде приюта нет!
(Вскакивает и идет в дом.)

Иванов (кричит ему вслед). Ну, виноват, виноват! (Львову.) За что я его обидел? Пет, я решительно развинулся. Надо будет с собою что-нибудь сделать. Надо...

Львов (волнуясь). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... по вы мне глубоко несимпатичны!..

Иванов. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее. Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (Прислушивается.) Кажется, лошадей подали. Пойду одеваться... (Идет к дому и останавливается.) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (Уходит в дом.)

Львов (один). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно! Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (показывает на грудь) начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышенного мошенника, всюю душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее, она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым! Знаю!

VI

Львов, Иванов (в шляпе и пальто), Шабельский и Анна Петровна.

Шабельский (выходя с Ивановым и с Анной Петровной из дому). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно!.. Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов. Это безобразие, а не жизнь! И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его! Пусть едет, пусть...

Иванов (жене). Ну, куда ты, больная, поедешь? Ты больна, и тебе нельзя после заката солнца быть на воздухе... Спроси вот доктора. Ты не дитя, Аня, нужно рассуждать... (Графу.) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтоб не здесь оставаться. Мне скучно! Я отупел от скуки! Я надоел всем. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте! Пусть едет, если ему там весело.

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду! Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Поезжай! Кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга! Неужели это так необходимо?!

Шабельский (плачащим голосом). Nicolas, голубчик, ну, я прошу тебя, возьми меня с собою! Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь. Ведь я с самой пасхи нигде не был!

Иванов (раздраженно). Хорошо, поедем! Как вы мне все надоели!

Шабельский. Да? Ну, merci, merci... (Весело берет его под руку и отводит в сторону.) Твою соломенную шляпу можно надеть?

Иванов. Можно, только поскорей, пожалуйста!

Граф бежит в дом.

Как вы все надоели мне! Впрочем, господа, что я говорю? Аня, я говорю с тобою невозможным тоном. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь к часу.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Иванов (волнуясь). Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мешай мне уезжать по вечерам из дому. Это жестоко, несправедливо с моей стороны, по позволяй мне делать эту несправедливость! Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь, не знаю! Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь... Просто отчаяние!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будем, как прежде, разговаривать... Поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов... (Обнимает его.) Останься!..

Пауза.

Я тебя не понимаю. Это уж целый год продолжается. Отчего ты изменился?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, чтобы я уезжала вместе с тобою по вечерам?

Иванов. Если тебе нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, по лучше сказать... Когда меня мучает тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и от тебя бегу в это время. Одним словом, мне нужно уезжать из дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, как прежде, петь, смеяться, сердиться... Останься, будем смеяться, пить наливку и твою тоску разгоним в одну минуту. Хочешь, я буду петь? Или пойдем сядем у тебя в кабинете, в потемках, как прежде, и ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза! Я буду глядеть в них и плакать, и нам обоим станет легче... (Смеется и плачет.) Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости - нет? Да? Ну, поезжай, поезжай...

Иванов. Ты помолись за меня богу, Аня! (Идет, останавливается и думает.) Нет, не могу! (Уходит.)

Анна Петровна. Поезжай... (Садится у стола.) Львов (ходит по сцене). Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам.

Анна Петровна. Слушаю-с.

Львов. Что "слушаю-с"! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною. (Кашляет.)

Львов. Вот видите, - вы уже кашляете...

VII

Львов, Анна Петровна и Шабельский.

Шабельский (в шляпе и пальто выходит из дому). А где Николай? Лошадей подали? (Быстро идет и целует руку Анис Петровне.) Покойной ночи, прелесть! (Гримасничает.) Геват! Жвините, пожалуста! (Быстро уходит.)

Львов. Шут!

Пауза; слышны далекие звуки гармоники.

Анна Петровна. Какая скука!.. Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я - как брошенная... Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте!..

Львов. Не могу я сидеть.

Пауза.

Анна Петровна. На кухне "чижика" играют. (Поет.) "Чижик, чижик, где ты был? Под горою водку пил".

Пауза.

Доктор, у вас есть отец и мать?

Львов. Отец умер, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

Львов. Мне некогда скучать.

Анна Петровна (смеется). Цветы повторяются каждую весну, а радости нет. Кто мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказал. (Прислушивается.) Опять сова кричит!

Львов. Ну и пусть кричит.

Анна Петровна. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обсчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы и ничего не платят за свое счастье. Я же за все платила, решительно за все!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?.. Душа моя, вы все осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, по думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю. Впрочем, скучно об этом говорить... (Еврейским акцентом.) Жвините, пожалуста! Вы умеете рассказывать смешные анекдоты?

Львов. Не умею.

Анна Петровна. А Николай умеет. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему на любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? Скажите: до каких пор будут ненавидеть меня отец и мать? Они живут за пятьдесят верст отсюда, а я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть. А как прикажете понимать тоску Николая? Он говорит, что не любит меня только по вечерам, когда его гнетет тоска. Это я понимаю и допускаю, но представьте, что он разлюбил меня совершенно! Конечно, это невозможно, ну а вдруг? Нет, нет, об этом и думать даже не надо. (Поет.) "Чижик, чижик, где ты был?.." (Вздрагивает.) Какие у меня страшные мысли!.. Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

Львов. Вы удивляетесь... (Садится рядом.) Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам! Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным... но оставим вашего мужа! - что у вас общего с этой пустою, пошлою средой? О господи боже мой!.. Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников, Миша со своею гнусною физиономией... Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?..

Анна Петровна (смеется). Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза больше, и, бывало, как он начнет говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли... Говорите, говорите!..

Львов (встает и машет рукой). Что мне говорить? Идите в комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да се, пятое, десятое. Откуда вы его

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы по знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. (Смеется.) Взглянула, а меня мышеловка – хлоп! Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя все, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

Львов. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну, что еще? Что вам?

Анна Петровна (встает). Я не могу, доктор, я поеду туда...

Львов. Куда это?

Анна Петровна. Туда, где он... Я поеду... Прикажете заложить лошадей. (Бежит в дом.)

Львов. Нет, я решительно отказываюсь лечить при таких условиях! Мало того, что ни копейки не платят, но еще душу вы ворачивают вверх дном!.. Нет, я отказываюсь! Довольно!.. (Идет в дом.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зал в доме Лебедевых; прямо выход в сад: направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины – все это в чехлах; Зинаида Савишна, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, старухи

гостьи, барышни и Бабакина. Зинаида Савишна сидит на диване. По обе стороны ее на креслах старухи гостьи; на стульях молодежь. В глубине, около выхода в сад, играют в карты; между играющими: Косых, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоит у правой двери; горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно в продолжение всего действия циркулируют гости. Бабакина выходит из

правой двери и направляется к Зинаиде Савишне.

Зинаида Савшна (радно). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Савишна! Честь имею вас поздравить с новорожденною...

Целуются.

Дай бог, чтоб...

Зинаида Савшна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?..

Бабакина. Очень вами благодарна. (Садится рядом на диван.) Здравствуйте, молодые люди!..

Гости встают и кланяются.

1-й гость (смеется). Молодые люди... а вы разве старая?

Бабакина (вздыхая). Где уж нам в молодые лезть...

1-й гость (почтительно смеясь). Помилуйте, что вы... Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать.

Гаврила подносит Бабакиной чай.

Зинаида Савишна (Гавриле). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья. Кружовенного, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна.

Пауза.

1-й гость. Вы, Марфа Егоровна, через Мушкино ехали?..

Бабакина. Нет, на Займище. Тут дорога лучше.

1-й гость. Так-с.

Косых. Два пики.

Егорушка. Пас.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Савишна, опять пошли шибко в гору. Видано ли дело: первый заем стоит уж двести семьдесят, а второй без малого двести пятьдесят... Никогда этого не было...

Зинаида Савишна (вздыхает). Хорошо, у кого их много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и в большой цене, а держать в них капитал невыгодно. Одна страховка сживает со света.

Зинаида Савишна. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... (Вздыхает.) Бог милостив...

3-й гость. С моей точки зрения, mesdames, я так рассуждаю, что в настоящее время иметь капитал очень невыгодно. Процентные бумаги дают весьма немного дивиденда, а пускать деньги в оборот чрезвычайно опасно. Я так понимаю, mesdames, что человек, который в настоящее время имеет капитал, находится более в критическом положении, чем тот, mesdames, который...

Бабакина (вздыхает). Это верно!

1-й гость зевает.

А разве можно при дамах зевать?

1-й гость. Pardon, mesdames {простите, сударыня (фр.)}, это я нечаянно.

Зинаида Савишна встает и уходит в правую дверь; продолжительное молчание.

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Косых. Пас.

Бабакина (в сторону). Господи, какая скука, помереть можно!

II

Те же. Зинаида Савишна и Лебедев.

Зинаида Савишна (выходя из правой двери с Лебедевым, тихо). Что уселся там? Примадонна какая! Сиди с гостями! (Садится на прежнее место.)

Лебедев (зевает). Ох, грехи наши тяжкие! (Увидев Бабанину.) Батюшки, мармелад сидит! Рахат-лукум!.. (Здоровается.) Как ваше драгоценнейшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна.

Лебедев. Ну, слава богу!.. Слава богу! (Садится в кресло) Так, так... Гаврила!

Гаврила подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выпивает водку и запивает водой.

1-й гость. На доброе здоровье!..

Лебедев. Какое уж тут доброе здоровье!.. Околеванца нет, и на том спасибо. (Жене.) Зюзюшка, а где же паша новорожденная?

Косых (плаксиво). Скажите мне: ну, за что мы остались без взятки? (Вскакивает.) Ну, за что мы проиграли, черт меня подери совсем?

Авдотья Назаровна (вскакивает и сердито). А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись. Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз!..

Оба бегут из-за стола вперед.

Косых (плачущим голосом). Позвольте, господа... У меня в бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна, снимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал: без козыря...

Авдотья Назаровна (перебивая). Это я сказала: без козыря! Ты сказал: два без козыря...

Косых. Это возмутительно!.. Позвольте... у вас... у меня... вас... (Лебедеву.) Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Лебедев (затыкает уши). Отстань, сделай милость... отстань... С

Авдотья Назаровна (кричит). Это я сказала: без козыря!

Косых (свирепо). Будь я подлец и анафема, если я сяду еще когда-нибудь играть с этой севрюгой! (Быстро уходит в сад.)

2-й гость уходит за ним, за столом остается Егорушка.

Авдотья Назаровна. Уф!.. Даже в жар от него бросио... Севрюга!.. Сам ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна (увидев Бабакину, всплескивает уками). Ясочка моя, красавица!.. Она здесь, а я, куриная слепоа, и не вижу... Голубочка... (Целует ее в плечо и садится рядом.) Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! В гроб, грешница, не лягу, а ее да Санечку замуж выдам!.. В гроб не лягу... (Вздых.) Только вот где их найдешь нынче, женихов-то? Вой они, наши женихи-то, сидят нахохлившись, словно петухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравнение. С моей точки зрения, mesdames, если теперешние молодые люди предпочитают холостую жизнь, то в этом виноваты, так

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
сказать, социальные условия...

Лебедев. Ну, ну!.. не философствуй!.. не люблю!..

III

Те же и Саша.

Саша (входит и идет к отцу). Такая великолепная погода, а вы сидите здесь, господа, в духоте.

Зинаида Савишна. Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. (Идет к Бабакиной и здоровается.)

Бабакина. Загорделась, Санечка, загорделась, хоть бы разок приехала. (Целуется.) Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. (Садится рядом с отцом.)

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха - путевых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить, - пить и лошадь умеет... Нет, ты с толком выпей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. (Щелкает себя по шее.) Бывало, и брешь и философствуешь, пока язык не отнимется... А нынешние... (Машет рукой.) Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат (вздыхает) и, кажется, уж беситься стал...

Бабакина. Кто это?

Лебедев. Николаша Иванов.

Бабакина. Да, он хороший мужчина (делает гримасу), только несчастный!..

Зинаида Савишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливым! (Вздыхает.) Как он, бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за нею золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменяла веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил. Теперь кается, да уж поздно...

Саша. Мама, это неправда.

Бабакина (горячо). Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели бы не было интереса, то зачем бы ему на еврейке жениться? Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... (Живо.) Господи, да и достается же теперь ей от него! Просто смех один. Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней: "Твой отец и мать меня надули! Пошла вон из моего дома!" А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена... Уж он мудрует-мудрует над нею, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

Авдотья Назаровна. А то, бывает, запрет ее в погреб и - "ешь, такая-сякая, чеснок"... Ест-ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

Саша. Папа, ведь это ложь!

Лебедев. Ну, так что же? Пусть себе мелют на здоровье... (Кричит.) Гаврила!..

Гаврила подает ему водку и воду.

Зинаида Савишна. Оттого вот и разорился, бедный. Дела, душечка, совсем упали... Если бы Боркин не глядел за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть нечего было. (Вздыхает.) А как мы-то, душечка, из-за него пострадали!.. Так пострадали, что один только бет видит! Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен!

Бабакина (с ужасом). Девять тысяч!..

Зинаида Савишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбирает, кому можно дать, кому нельзя. Про капитал я уже не говорю, – бог с ним, но лишь бы проценты исправно платил!..

Саша (горячо). Мама, об этом вы говорили уже тысячу раз!

Зинаида Савишна. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

Саша (встает). Но как у вас хватает духа говорить все это про человека, который не сделал вам никакого зла? Ну, что он вам сделал?

3-й гость. Александра Павловна, позвольте мне сказать два слова! Я уважаю Николая Алексеича и всегда считал за честь, но, говоря *entre vous* {между нами (фр.)}, он мне кажется авантюристом.

Саша. И поздравляю, если вам так кажется.

3-й гость. В доказательство приведу вам следующий факт, который передавал мне его атташе, или, так сказать, чичероне, Боркин. Два года тому назад, во время скотской эпизоотии, он накупил скота, застраховал его...

Зинаида Савишна. Да, да, да! Я помню этот случай. Мне тоже говорили.

3-й гость. Застраховал его, можете иметь в виду, потом заразил чумой и взял страховую премию.

Саша. Ах, да вздор все это! Вздор! Никто не покупал и не заражал скота! Это сам Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом, то Боркин потом у него две недели прощения просил. Виноват же Иванов только, что у него слабый характер и не хватает духа прогнать от себя этого Боркина, и виноват, что он слишком верит людям! Все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто только хотел.

Лебедев. Шура-горячка! Будет тебе!

Саша. Зачем же они говорят вздор? Ах, да все это скучно и скучно! Иванов, Иванов, Иванов – и больше нет других разговоров. (Идет к двери и возвращается.) Удивляюсь! (Молодым людям.) Положительно удивляюсь вашему терпению, господа! Неужели вам не скучно так сидеть? Ведь воздух застыл от тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у вас нет других сюжетов, кроме Иванова, то смейтесь, пойте, пляшите, что ли...

Лебедев (смеется). Пробери-ка, пробери их хорошенько!

Саша. Ну, послушайте, сделайте мне такое одолжение! Если не хотите плясать, смеяться, петь, если все это скучно, то прошу вас, умоляю, хоть раз в жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмешить, соберите силы и все разом придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтоб было смешно и ново! Или все разом совершите что-нибудь маленькое, чуть заметное, но хоть немножко похожее на подвиг, чтобы барышни хоть раз в жизни, глядя на вас, могли бы сказать: "Ах!" Послушайте, ведь вы желаете нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ах, господа! Все вы не то, не то, не то!.. На вас глядя, мухи мрут и лампы начинают коптеть. Не то, не то!.. Тысячу раз я вам говорила и всегда буду говорить, что все вы не то, не то, не то!..

IV

Те же, Иванов и Шабельский.

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Шабельский (входя с Ивановым из правой двери). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (Хохочет и пожимает ей руку.) Поздравляю, ангел мой, дай вам бог попозже умереть и не родиться во второй раз...

Зинаида Савишна (радостно). Николай Алексеевич, граф!..

Лебедев. Ба! Кого вижу... граф! (Идет навстречу.)

Шабельский (увидав Зинаиду Савишну и Бабакину, протягивает в сторону их руки). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо! (Здоровается; Зинаиде Савишне.) Здравствуйте, Зюзюшка! (Бабакиной.) Здравствуйте, помпончик!..

Зинаида Савишна. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость! (Кричит.) Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! (Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный.)

Саша садится на прежнее место. Иванов молча здоровается со всеми.

Лебедев (Шабельскому). Откуда ты взялся? Какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз. (Целует его.) Граф, ведь ты разбойник! Так не делают порядочные люди! (Ведет его за руку к рампе.) Отчего ты у нас не бываешь? Сердит, что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собою, велит с Саррой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мною своих лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев (машет рукой). Ну да!.. Зюзюшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех! Из всего старья уцелели я да ты! Люблю в тебе я прежние страдания и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу. (Целует графа.)

Шабельский. Пусти, пусти! От тебя, как из винного погреба...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей! Вешаться готов с тоски... (Тихо.) Зюзюшка со своею ссудною кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Савишна (озабоченно, Гавриле). Ну, как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... Кружовенного, что ли...

Шабельский (хохочет; Иванову). Что, не говорил я тебе? (Лебедеву.) Я с ним пари дорогой держал, что, как приедем, Зюзюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

Зинаида Савишна. Вы, граф, все такой же насмешник... (Садится.)

Лебедев. Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Шабельский (сядась около стола). Все копите, Зюзюшка? Ну что, уж миллиончик есть, а?

Зинаида Савишна (со вздохом). Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Шабельский. Ну да, да!.. знаем!.. Знаем, как вы плохо в шашки играете... (Лебедеву.) Паша, скажи по совести: скопили миллион?

Лебедев. Не знаю. Это у Зюзюшки спроси...

Шабельский (Бабакиной). И у жирненького помпончика скоро будет миллиончик! Хорошеет и полнеет не по дням, а по часам! Что значит деньжищ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше сиятельство, а только я не люблю насмешек.

Шабельский. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
избытка чувств глаголят уста... Вас и Зюсюшку я люблю бесконечно... (Весело.)
Восторг!.. Упоение!.. Вас обеих не могу видеть равнодушно...

Зинаида Савишна. Вы все такой же, как и были. (Егорушке.) Егорушка, потуши
свечи! Зачем им гореть попусту, если не играете?

Егорушка вздрагивает; тушит свечи и садится.

(Иванову.) Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

Иванов. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

Зинаида Савишна. Неужели? Какая жалость!.. (Вздых.) А мы все ее так любим...

Шабельский. Вздор, вздор и вздор!.. Никакой чахотки нет, докторское
шарлатанство, фокус. Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. Благо муж
не ревнив.

Иванов делает нетерпеливое движение.

Что касается самой Сарры, то я не верю ни одному ее слову, ни одному движению. В
своей жизни я никогда не верил ни докторам, ни адвокатам, ни женщинам. Вздор,
вздор, шарлатанство и фокусы!

Лебедев (Шабельскому). Удивительный ты субъект, Матвей!.. Напустил на себя
какую-то мизантропию и носится с нею, как дурак с писаной торбой. Человек как
человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар...

Шабельский. Что же, мне целоваться с мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедев. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Шабельский. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Лебедев. Вот тебе и но... Все это напускное.

Шабельский. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Лебедев. Какое мое мировоззрение? Сижу и каждую минуту околеванца жду. Вот мое
мировоззрение. Нам, брат, не время с тобою о мировоззрениях думать. Так-то...
(Кричит.) Гаврила!

Шабельский. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!

Лебедев (пьет). Ничего, душа моя, не венчаться мне ехать.

Зинаида Савишна. Давно уже у нас доктор Львов не был. Совсем забыл.

Саша. Моя антипатия. Ходячая честность. Воды не попросит, папиросы не закурит
без того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходит или говорит, а
у самого на лбу написано: я честный человек! Скучно с ним.

Шабельский. Узкий, прямолинейный лекарь! (Дразнит.) "Дорогу честному труду!"
Орет на каждом шагу, как попугай, и думает, что в самом деле второй Добролюбов.
Кто не орет, тот подлец. Взгляды удивительные по своей глубине. Если мужик
зажиточный и живет по-человечески, то, значит, подлец и кулак. Я хожу в
бархатном пиджаке и одеваает меня лакей – я подлец и крепостник. Так честен, так
честен, что всего распирает от честности. Места себе не находит. Я даже боюсь
его... Ей-ей!.. Того и гляди, что из чувства долга по рылу хватит или подлеца
пустит.

Иванов. Он меня ужасно утомил, но все-таки мне симпатичен; в нем много
искренности.

Шабельский. Хороша искренность! Подходит вчера ко мне вечером и ни с того ни с
сего: "Вы, граф, мне глубоко несимпатичны!" Покорнейше благодарю! И все это не
просто, а с тенденцией: и голос дрожит, и глаза горят, и поджилки трясутся...
Черт бы побрал эту деревянную искренность! Ну, я противен ему, гадок, это

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
естественно... я и сам сознаю, но к чему говорить это в лицо? Я дрянной человек, но ведь у меня, как бы то ни было, седые волосы... Бездарная, безжалостная честность!

Лебедев. Ну, ну, ну!.. Сам небось был молодым и понимаешь.

Шабельский. Да, я был молод и глуп, в свое время разыгрывал Чацкого, обличал мерзавцев и мошенников, но никогда в жизни я воров не называл в лицо ворами и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан. А ваш этот тупой лекарь почувствовал бы себя на высоте своей задачи и на седьмом небе, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловеческих идеалов, хватить меня публично по рылу и под микитки.

Лебедев. Молодые люди все с норовом. У меня дядя гегелианец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: "Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!" Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

Саша. А гости что же?

Лебедев. А ничего... Слушают да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло. Помню, сидел я, дай бог память, вот так, как Матвей, а дядя с покойным Герасимом Нильчем стояли вот тут примерно, где Николаша... Ну-с, Герасим Нильч и задает, братец ты мой, вопрос...

Входит Боркин.

Те же и Боркин (одетый франтим, со свертком в руках, подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения).

Барышни. Михаил Михайлович!..

Лебедев. Мишель Мишелеч! Слыхом слыхать...

Шабельский. Душа общества!

Боркин. А вот и я! (Подбегает к Саше.) Благородная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (подает сверток) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да прояснят они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства. (Театрально раскланивается.)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (хохочет, Иванову). Отчего ты не прогонишь этого иуду?

Боркин (Лебедеву). Павлу кирпллычу! (Иванову.) Патрону... (Поет.) Nicolas-voila, го-ги-го! (Обходит всех.) Почтеннейшей Зинаиде Савишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшем Авдотье Назаровне... Сиятельпейшему графу...

Шабельский (хохочет). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже. Вы замечаете?

Боркин. Уф, утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, si нос шибящего? (Живо, Зинаиде Савишне.) Ах, послушайте, маман... Еду сейчас к вам... (Гавриле.) Дай-ка мне, Гаврюша, чай, только без кружовенного варенья! (Зинаиде Савишне.) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (Иванову). Отчего ты не прогонишь этого иуду?

Зинаида Савишна (испуганно). А ведь это правда, мне и на ум не приходило!..

Боркин (делает ручную гимнастику). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... Я экзальтирован! (Поет.) "Я вновь пред тобою..."

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же вы это в самом деле носы повесили? Сидят точно присяжные заседатели!.. Давайте изобразим что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горелки, танцы, фейерверки?

Барышни (хлопают в ладоши). Фейерверки, фейерверки! (Бегут в сад.)

Саша (Иванову). Что вы сегодня такой скучный?..

Иванов. Голова болит, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте в гостиную.

Идут в правую дверь; уходят в сад все, кроме Зинаиды Савишны и Лебедева.

Зинаида Савишна. Вот это я понимаю – молодой человек: и минуты не побыл, а уж всех развеселил. (Притушивает большую лампу.) Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. (Тушит свечи.)

Лебедев (идя за нею). Зюзюшка, надо бы дать гостям закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свечей сколько... недаром люди судят, что мы богатые. (Тушит.)

Лебедев (идя за нею). Зюзюшка, дала бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось проголодались, бедные... Зюзюшка...

Зинаида Савишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. (Идет в левую дверь.)

Лебедев. Тьфу!.. (Уходит в сад.)

VI

Иванов и Саша.

Саша (входя с Ивановым из правой двери). Все ушли в сад.

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Прежде я много работал много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем, собственно, моя вина, не понимаю. А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, лишние разговоры, глупый Боркин... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки. Скажу вам откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит. Вы – мой старый приятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Приехал я вот к вам развлечься, но мне скучно и у вас, и опять меня тянет домой. Простите, я сейчас потихоньку уеду.

Саша. Николай Алексеевич, я понимаю вас. Ваше несчастье в том, что вы одиноки. Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас.

Иванов. Ну, вот еще, Шурочка! Недостает, чтоб я, старый, мокрый петух, затянул новый роман! Храни меня бог от такого несчастья! Нет, моя умница, не в романе дело. Говорю, как перед богом, я снесу все: и тоску, и психопатию, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмешки над самим собою. Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет! Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это позор! Это возмущает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю...

Саша (шутя, сквозь слезы). Николай Алексеевич, бежимте в Америку.

Иванов. Мне до этого порога лень дойти, а вы – в Америку...

Идут к выходу в сад.

В самом деле, Шура, вам здесь трудно живется! Как погляжу я на людей, которые вас окружают, мне становится страшно: за кого вы тут замуж пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проезжий поручик или студент украдет вас и увезет...

VII

Зинаида Савишна (выходит из левой двери с банкой варенья).

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Савишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Савишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (мнется). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы премного обязали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Савишна (испуганно). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, бога ради, не мучьте меня, несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (Уходит в сад.)

Зинаида Савишна. Фуй, батюшки, как он меня встревожил!.. Я вся дрожу... вся дрожу... (Уходит в правую дверь.)

VIII

Косых (выходит из левой двери и идет через сцену). У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она, черт ее возьми совсем, не могла объявить маленького шлема! (Уходит в правую дверь.)

IX

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

Авдотья Назаровна (выходя с 1-м гостем из сада). Вот так бы я ее и растерзала, сквалыгу... так бы и растерзала! Шутка ли, с пяти часов сижу, а она хоть бы ржавую селедкой попотчевала!.. Ну, дом!.. Ну, хозяйство!..

1-й гость. Такая скучища, что просто разбежался бы и головой об стену! Ну, люди, господа помилуй!.. Со скуки да с голоду волком завоешь и людей грызть начнешь.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала, грешница.

1-й гость. Выпью, старая, и - домой! И невест мне твоих не надо. Какая тут, к нечистому, любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?

Авдотья Назаровна. Пойдем поищем, что ли...

1-й гость. Тсс!.. Потихоньку! Шнапс, кажется, в столовой, в буфете стоит. Мы Егорушку за бока... Тсс!..

Уходят в левую дверь.

X

Анна Петровна и Львов (выходят из правой двери).

Анна Петровна. Ничего, нам рады будут. Никого нет. Должно быть, в саду.

Львов. Ну, зачем, спрашивается, вы привезли меня сюда, к этим коршунам? Не место

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
тут для нас с вами! Честные люди не должны знать этой атмосферы!

Анна Петровна. Послушайте, господин честный человек! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить с нею только о своей честности! Может быть, это и честно, но по меньшей мере скучно. Никогда с женщинами не говорите о своих добродетелях. Пусть они сами поймут. Мой Николай, когда был таким, как вы, в женском обществе только пел песни и рассказывал небылицы, а между тем каждая знала, что он за человек.

Львов. Ах, не говорите мне про вашего Николая, я его отлично понимаю!

Анна Петровна. Вы хороший человек, но ничего не понимаете. Пойдемте в сад. Он никогда не выражался так: "Я честен! Мне душно в этой атмосфере! Коршуны! Совиное гнездо! Крокодилы!" Зверинец он оставлял в покое, а когда, бывало, возмущался, то я от него только и слышала: "Ах, как я был несправедлив сегодня!", или: "Анюта, жаль мне этого человека!" Вот как, а вы...

Уходят.

XI

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

1-й гость (выходя из левой двери). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдем через гостиную.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала!..

Уходят в правую дверь.

XII

Бабакина, Боркин и Шабельский. (Бабакина и Боркин со смехом выбегают из сада; за ними, смеясь и потирая руки, семенит Шабельский.)

Бабакина. Какая скука! (Хохочет.) какая скука! Все сидят и сидят, как будто аршин проглотили! От скуки все косточки застыли. (Прыгнет.) Надо размяться!..

Боркин хватает ее за талию и целует в щеку.

Шабельский (хохочет и щелкает пальцами). Черт возьми! (Крякает.) Некоторым образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает! Отстаньте!..

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца!.. (Целует.) Дайте взаймы две тысячи триста рублей!..

Бабакина. Не-не-нет... Как хотите, а насчет денег - очень вами благодарна... Нет, нет, нет!.. Ах, да пустите руки!..

Шабельский (семенит около). Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин (серьезно). Но довольно. Давайте говорить о деле. Будем рассуждать прямо, по-коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да или нет? Слушайте! (Указывает на графа.) Вот ему нужны деньги, минимум три тысячи годового дохода. Вам нужен муж. Хотите быть графиней?

Шабельский (хохочет). Удивительный циник!

Боркин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина (взволнованная). Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так, с бухты-барахты... Если графу угодно, он сам может, и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну, будет тень наводить! Дело коммерческое... Да или нет?

Шабельский (смеясь и потирая руки). В самом деле, а? Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? Помпончик... (Целует Бабакину в щеку.) Прелесть!.. Огурчик!..

Бабакина. Пойдите, пойдите, вы меня совсем встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нет, не уходите!..

Боркин. Скорей! Да или нет? Нам некогда...

Бабакина. Знаете что, граф? Вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так, как здесь... Приезжайте завтра... (Боркину.) Нет, вы это шутите?

Боркин (сердито). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Бабакина. Пойдите, пойдите... Ах, мне дурно! Мне дурно! Графиня... Мне дурно!.. Я падаю...

Боркин и граф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

XIII

Иванов, Саша, потом Анна Петровна. (Иванов и Саша вбегают из сада.)

Иванов (в отчаянии хватая себя за голову). Не может быть! Не надо, не надо, Шурочка!.. Ах, не надо!..

Саша (с увлечением). Люблю я вас безумно... Без вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости! Для меня вы все...

Иванов. К чему, к чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

Саша. В детстве моем вы были для меня единственной радостью; я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь... я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только, ради бога, скорее, иначе я задохнусь...

Иванов (закатывается счастливым смехом). Это что же такое? Это, значит, начинать жизнь с начала? Шурочка, да?.. Счастье мое! (Привлекает ее к себе.) Моя молодость, моя свежесть...

Анна Петровна входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(В ужасе.) Сарра!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

I

Кабинет Иванова. Письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; возле бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. На стенах ландкарты,

картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч. - Полдень.

Шабельский, Лебедев, Боркин, Петр. Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола. Боркин среди сцены

верхом на стуле. Петр стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и определенная... Французы знают, чего хотят. Им нужно лущить колбасников, и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии, кроме Франции, еще много сучков в глазу...

Шабельский. Вздор!.. По-моему, немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Боркин. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастеровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Лебедев (смеется). Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма-тьмущая, как рыб в океане.

Шабельский. Виртуоз!

Лебедев. Бог с тобою, сместишь ты, Мишель Мишелич! (Перестав смеяться.) Что ж, господа, Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Veretatur! {Повторим! (лат.)} (Наливает три рюмки.) Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селедочка, матушка, всем закускам закуска.

Шабельский. Ну нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали... (Петру.) Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были.

Петр уходит.

Лебедев. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковочки зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак... поверх всего лимончиком. Смерть! От одного аромата угоришь.

Боркин. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить. Нужно почистить, потом обвалить в толченых сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели... хру-хру-хру...

Шабельский. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска - белые грибы.

Лебедев. А еще бы...

Шабельский. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг!

Лебедев. А что ж? Veretatur, господа!

Выпивают.

Будемте здоровы... (Смотрит на часы.) Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Скажи на милость, за каким это лешим ты зачастил к Марфутке?

Шабельский (кивает на, Боркина). Да вот, женить меня на ней хочет...

Лебедев. Женить? Тебе сколько лет?

Шабельский. Шестьдесят два года.

Лебедев. Самая пора жениться. А Марфутка как раз тебе пара.

Боркин. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткиных стерлингах.

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Лебедев. Чего захотел: Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь?

Боркин. А вот как женится человек да набьет себе ампоше {Здесь: карман (от фр.: *emprocher* – сунуть в карман).}, тогда и увидите гусяный чай. Облизнетесь...

Шабельский. А ведь он серьезно. Этот гений уверен, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркин. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Шабельский. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Пес...

Боркин. Благодарю вас... Очень вам благодарен! Так это, значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не разберет, а я уж честное слово дал! Так вы не женитесь?

Шабельский (пожимает плечами). Он серьезно... Удивительный человек!

Боркин (возмущаясь). В таком случае зачем же было баламутить честную женщину? Она помешалась на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят? Разве это честно?

Шабельский (щелкает пальцами). А что в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность? А? Назло! Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!

Входит Львов.

II

Лебедев. Эскулапии наше низайшее... (Подает Львову руку и поет.) "Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь..."

Львов. Николай Алексеевич еще не приходил?

Лебедев. Да нет, я сам его жду больше часа.

Львов нетерпеливо шагает по сцене.

Милый, ну, как здоровье Анны Петровны?

Львов. Плохо.

Лебедев (вздых). Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Львов. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Лебедев. Симпатичная, славная... (Вздыхает.) В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с нею тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили.

Шабельский (Львову). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие! Великое! Куда оно относится: к аллопатии или гомеопатии?

Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык! За что ты его обидел?

Шабельский (раздраженно). А зачем он врет? Чахотка, нет надежды, умрет... Врет он! Я этого терпеть не могу!

Лебедев. Почему же ты думаешь, что он врет?

Шабельский (встает и ходит). Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг, ни с того ни с сего, умер. Оставим этот разговор!

III

Косых (вбегает, запыхавшись). Дома Николай Алексеевич? Здравствуйте! (Быстро пожимает всем руки.) Дома?

Боркин. Его нет.

Косых (садится и вскакивает). В таком случае прощайте! (Выпивает рюмку водки и быстро закусывает.) Поеду дальше... Дела... Замучился... Еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинутили и только что кончили... Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник! (Плачущим голосом.) Вы послушайте: все время несу я черву... (Обращается к Боркину, который прыгает от него.) Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну, и без взятки. (Лебедеву.) Играем четыре трефы. У меня туз, дама-шост на руках, туз, десятка-третей пик...

Лебедев (затыкает уши). Уволь, уволь, ради Христа, уволь! Косых (графу). Понимаете: туз, дама-шост на трефах, туз, десятка-третей пик...

Шабельский (отстраняет его руками). Уходите, не желаю я слушать!

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский (хватает со стола револьвер). Отойдите, стрелять буду!..

Косых (машет рукой). Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь, как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь... Однако надо ехать... пора. (Хватает фуражку.) Время дорого... (Подает Лебедеву руку.) Пас!..

Смех. Косых уходит и в дверях сталкивается с Авдотьей Назаровной.

IV

Авдотья Назаровна (вскрикивает). Чтоб тебе пусто было, с ног сшиб!

Все. А-а-а!.. вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (Здоровается.)

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка! (Графу.) Дело, вас касающее, ваше сиятельство. (Кланяется.) Велели кланяться и о здоровье спросить... И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут все люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию. Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью!

Лебедев. И я выпью. (Наливает.) А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... (Берет рюмку.) Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить! Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться. Совет им и любовь... (Пьет.) Строгая водка!

Шабельский (хохоча, Лебедеву). Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, будто я... Удивительно! (Встает.) А то в самом деле,

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь! Паша, а?

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобою об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали... Прошла наша пора.

Шабельский. Нет, я устрою! Честное слово, устрою!

Входят Иванов и Львов.

У

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша! (Идет навстречу к Иванову и целует его.) Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь.

Авдотья Назаровна (кланяется). Здравствуйте, батюшка!

Иванов (с горечью). Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... (Подходит к столу.) Ну вот, бумагу водкой облили... крошки-огурцы... Ведь противно!

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости. Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов (указывает на Лебедева). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (Лебедеву.) Чего тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально. Прошу...

Граф уходит с Авдотьей Назаровной, за ними Боркин, потом Львов.

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше он у меня никогда не пил. Ему вредно.

Лебедев (испуганно). Голубчик, я не знал... Я даже внимания не обратил...

Иванов. Не дай бог, умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?..

Пауза.

Лебедев. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно. Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в мое положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня...

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала... Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты! Верись ли, загрызла, заездила, замучила! Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, у меня теперь нет денег.

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам.

Лебедев (кричит). Не хочет она ждать!

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (Ходит и думает.) И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил, ведь он тебе шестнадцать тысяч должен.

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь старого пьяницу! По-дружески... Гляди на меня как на друга... Студенты мы с тобою, либералы... Общность идей и интересов... В Московском университете оба учились... Alma mater... {Мать-кормилица... (лат.) – так в старину называли студенты свой университет.} (Вынимает бумажник.) У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает. Возьми займы... (Вынимает деньги и кладет на стол.) Брось самолюбие, а взгляни по-дружески... Я бы от тебя взял, честное слово...

Пауза.

Вот они на столе: тысяча сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Нате, мол, Зинаида Савишна, подавитесь! Только смотри и виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог! А то достанется мне на орехи от кружовенного варенья! (Всматривается в лицо Иванова.) Ну, ну, не надо! (Быстро берет со стола деньги и прячет в карман.) Не надо! Я пошутил... Извини, ради Христа!

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела... (Вздыхает.) Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш! Ни к черту это сравнение не годится, ну, да ведь умнее не придумаешь... (Вздыхает.) Несчастья закаляют душу. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется – мука будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, брат, про тебя по уезду сплетен ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора приедет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель...

Иванов. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Все оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю.

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек. Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца... Гляжу, брат, иной раз и не верю, что у меня, у толстоногого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с нею об умном и – развлечешься. Это верный, искренний человек...

Пауза.

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня одного... Лебедев. Понимаю, понимаю... (Торопливо смотрит на часы.) Я понимаю. (Целует Иванова.) Прощай. Мне еще на освящение школы ехать. (Идет к двери и останавливается.) Умная... Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. (Смеется.) А она афоризмом выпалила: "Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне". Каково? Гений! Жорж Занд!..

Иванов. Паша! (Останавливает его.) Что со мною?

Лебедев. Я сам тебя хотел спросить об этом, да, признаться, стеснялся. Не знаю, брат! С одной стороны, мне казалось, что тебя одолели несчастья разные, с другой же стороны, знаю, что ты не таковский, чтобы того... Бедой тебя не победишь. Что-то, Николаша, другое, а что – не понимаю!

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Иванов. Я сам не понимаю. Мне кажется, или... впрочем, нет!

Пауза.

Видишь ли, что я хотел сказать. У меня был рабочий Семен, которого ты помнишь. Раз, во время молотьбы, он захотел похвастать перед девками своею силой, взвалил себе на спину два мешка ржи и надорвался. Умер скоро. Мне кажется, что я тоже надорвался. Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... Веровал я не так, как все, женился не так, как все, горячился, рисковал, деньги свои, сам знаешь, бросал направо и налево, был счастлив и страдал, как никто во всем уезде. Все это, Паша, мои мешки. Взвалил себе на спину ношу, а спина-то и треснула. В двадцать лет мы все уже герои, за все беремся, все можем, и к тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чем, чем ты объяснишь такую утомляемость? Впрочем, быть может, это не то... Не то, не то!.. Иди, Паша, с богом, я надоел тебе.

Лебедев (живо). Знаешь что? Тебя, брат, среда заела!

Иванов. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедев. Действительно, глупо. Теперь и сам вижу, что глупо. Иду, иду!.. (Уходит.)

VI

Иванов (один). Нехороший, жалкий и ничтожный я человек. Надо быть тоже жалким, истасканным, испытанным, как Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смешно ли, не обидно ли? Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом или тешишь свой ум мечтами. Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери... А теперь, о боже мой! утомился, не верю, в безделье провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги. Имение идет прахом, леса трещат под топором. (Плачет.) Земля моя глядит на меня, как сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем... А история с Саррой? Клялся в вечной любви, пророчил счастье, открывал перед ее глазами будущее, какое ей не снилось даже во сне. Она поверила. Во все пять лет я видел только, как она угасала под тяжестью своих жертв, как изнемогала в борьбе с совестью, но, видит бог, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбил ее... Как? Почему? За что? Не понимаю. Вот она страдает, дни ее сочтены, а я, как последний трус, бегу от ее бледного лица, впалой груди, умоляющих глаз... Стыдно, стыдно!

Пауза.

Сашу, девочку, трогают мои несчастья. Она мне, почти старику, объясняется в любви, а я пьянею, забываю про все на свете, обвороженный, как музыкой, и кричу: "Новая жизнь! счастье!" А на другой день верю в эту жизнь и в счастье так же мало, как в домового... Что же со мною? В какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мне эта слабость? Что стало с моими нервами? Стоит только больной жене уколоть мое самолюбие, или не угодит прислуга, или ружье даст осечку, как я становлюсь груб, зол и не похож на себя...

Пауза.

Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто хоть пулю в лоб!..

Львов (входит). Мне нужно с вами объясниться, Николай Алексеевич!

Иванов. Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это сил никаких не хватит.

Львов. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что, собственно, вам от меня угодно?

Львов. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти – я знаю; что я непоправимо виноват перед нею – я тоже знаю; что вы честный, прямой человек – тоже знаю! Что же вам нужно еще?

Львов. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что все еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить своим религиозным закалом: все еще проклинают ее! Вы человек, которому она пожертвовала всем – и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым!

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов (не слушая его). С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и если вам не угодно слушать меня, то не слушайте! Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов; пусть так, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?

Иванов. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач, если предполагаете, что человек может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

Львов. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Иванов. Умный человек, подумайте: по-вашему, нет ничего легче, как понять меня! Да? Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое... Приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом – и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

Львов, Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

Иванов. Очевидно, мы с вами никогда не споемся... В последний раз я спрашиваю, и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что, собственно, вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? (Раздраженно.) И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?

Львов. Я врач и, как врач, требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну!

Иванов. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно: что мне делать?

Львов. По крайней мере, действовать не так откровенно.

Иванов. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (Пьет воду.) Оставьте меня. Я тысячу раз виноват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня...

Львов. А кто вас уполномочивал оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но когда увидел вас...

Иванов. Я уже слышал об этом!

Львов. Слышали? (Увидев входящую Сашу; она в амазонке.) Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга! (Пожимает плечами и уходит.)

VII

Иванов (испуганно). Шура, это ты?

Саша. Да, я. Здравствуй. Не ожидал? Отчего ты так долго не был у нас?

Иванов. Шура, ради бога, это неосторожно! Твой приезд может страшно подействовать на жену.

Саша. Она меня не увидит. Я прошла черным ходом. Сейчас уеду. Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал так долго?

Иванов. Жена и без того уж оскорблена, почти умирает, а ты приезжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и бесчеловечно!

Саша. Что же мне было делать? Ты две недели не был у нас, не отвечал на письма. Я измучилась. Мне казалось, что ты тут невыносимо страдаешь, болен, умер. Ни одной ночи я не спала покойно... Сейчас уеду... По крайней мере, скажи: ты здоров?

Иванов. Нет, замучил я себя, люди мучают меня без конца... Просто сил моих нет! А тут еще ты! Как это нездорово, как ненормально! Шура, как я виноват, как виноват!..

Саша. Как ты любишь говорить страшные и жалкие слова! Виноват ты? Да? Виноват? Ну, так говори же: в чем?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Саша. Это не ответ. Каждый грешник должен знать, в чем он грешен. Фальшивые бумажки делал, что ли?

Иванов. Неостроумно!

Саша. Виноват, что разлюбил жену? Может быть, но человек не хозяин своим чувствам, ты не хотел разлюбить. Виноват ты, что она видела, как я объяснялась тебе в любви? Нет, ты не хотел, чтобы она видела...

Иванов (перебивая). И так далее и так далее... Полюбил, разлюбил, не хозяин своим чувствам – все это общие места, избитые фразы, которыми не можешь...

Саша. Утомительно с тобой говорить. (Смотрит на картину.) Как хорошо собака нарисована! Это с натуры?

Иванов. С натуры. И весь этот наш роман – общее, избитое место: он пал духом и потерял почву. Явилась она, бодрая духом, сильная, и подала ему руку помощи. Это красиво и похоже на правду только в романах, а в жизни...

Саша. И в жизни то же самое.

Иванов. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое нытье внушает тебе благоговейный страх, ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, а по-моему, эта моя психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха, и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду над моим кривляньем, а ты – караул! Спасать, совершать подвиг! Ах, как я зол сегодня на себя! Чувствую, что сегодняшнее мое напряжение разрешится чем-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или...

Саша. Вот, вот, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердит, я сделала глупость, что решила приехать сюда. Ну, так возмущись, закричи на меня, затопай ногами. Ну? Начинай сердиться...

Пауза.

Ну?

Иванов. Смешная.

Саша. Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, сообразуйте еще раз улыбнуться!

Иванов (смеется). Я заметил: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя делается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большие, точно ты на комету смотришь. Постой, у тебя плечо в пыли. (Смахивает с ее плеча пыль.) Наивный мужчина – это дурак. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать так, что это у вас выходит и мило, и здорово, и тепло, и не так глупо, как кажется. Только что у вас у всех за манера? Пока мужчина здоров, силен и весел, вы не обращаете на него никакого внимания, но как только он покати́л вниз по наклонной плоскости и стал Лазаря петь, вы вешаетесь ему на шею. Разве быть женой сильного и храброго человека хуже, чем быть сиделкой у какого-нибудь слезоточивого неудачника?

Саша. Хуже!

Иванов. Почему же? (Хохочет.) Не знает об этом Дарвин, а то бы он задал вам на орехи! Вы портите человеческую породу. По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты.

Саша. Мужчины многого не понимают. Всякой девушке скорее понравится неудачник, чем счастливец, потому что каждую соблазняет любовь деятельная... Понимаешь? Деятельная. Мужчины заняты делом, и потому у них любовь на третьем плане. Поговорить с женой, погулять с нею по саду, приятно провести время, на сомогилке поплакать – вот и все. А у нас любовь – это жизнь. Я люблю тебя, это значит, что я мечтаю, как я излечу тебя от тоски, как пойду с тобою на край света... Ты на гору, и я на гору; ты в яму, и я в яму. Для меня, например, было бы большим счастьем всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудил кто-нибудь, или идти с тобою пешком верст сто. Помню, года три назад, ты раз, во время молотьбы, пришел к нам весь в пыли, загорелый, измученный, и попросил пить. Принесла я тебе стакан, а ты уж лежишь на диване и спишь как убитый. Спал ты у нас полсуток, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошел. И так мне было хорошо! Чем больше труда, тем любовь лучше, то есть она, понимаешь ли, сильнее чувствуется.

Иванов. Деятельная любовь... Гм... Порча это, девическая философия, или, может, так оно и должно быть... (Пожимает плечами.) Черт его знает! (Весело.) Шура, честное слово, я порядочный человек!.. Ты посуди: я всегда любил философствовать, но никогда в жизни я не говорил: "Наши женщины испорчены", или: "женщина вступила на ложную дорогу". Я был только благодарен, и больше ничего! Больше ничего! Девочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то, какой смешной болван! Православный народ смущаю, по целым дням Лазаря пою. (Смеется.) Бу-у! Бу-у! (Быстро отходит.) Но уходи, Саша! Мы забылись...

Саша. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, как бы твой честный доктор из чувства долга не донес Анне Петровне, что я здесь. Слушай меня: ступай сейчас к жене и сиди, сиди, сиди... Год понадобится сидеть – год сиди. Десять лет – сиди десять лет. Исполняй свой долг. И горюй, и прощения у нее проси, и плачь – все это так и надо. А главное, не забывай дела.

Иванов. Опять у меня такое чувство, как будто я мухомору объелся. Опять!

Саша. Ну, храни тебя создатель! Обо мне можешь совсем не думать! Недели через две черкнешь строчку – и на том спасибо. А я тебе буду писать...

Боркин выглядывает в дверь.

VIII

Боркин. Николай Алексеевич, можно? (Увидев Сашу.) Виноват, я и не вижу... (Входит.) Бонжур! (Раскланивается.)

Саша (смущенно). Здравствуйте...

Боркин. Вы пополнели, похорошели.

Саша (Иванову). Так я ухожу, Николай Алексеевич... Я ухожу. (Уходит.)

Боркин. Чудное видение! Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... (Поет.) "Явилась ты, как пташка к свету..."

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(Садится.) А в ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нет в других. Не правда ли? Что-то особенное... фантазмагорическое... (Вздыхает.) В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После ее смерти все останется Шурочке, а до смерти даст тысяч десять, плойку и утюг, да еще велит в ножки поклониться. (Роется в карманах.) Покурить де-лос-махорос. Не хотите ли? (Протягивает портсигар.) Хорошие... Курить можно.

Иванов (подходит к Боркину, задыхаясь от гнева). Сию же минуту чтоб ноги вашей не было у меня в доме! Сию же минуту!

Боркин приподнимается и роняет сигару.

Вон сию же минуту!

Боркин. Nicolas, что это значит? За что вы сердитесь?

Иванов. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика?

Боркин (пожимает плечами). Да вам-то что за надобность?

Иванов. Негодяй вы этакий! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком! У нас нет ничего общего, и я прошу вас сию же минуту оставить мой дом! (Быстро ходит.)

Боркин. Я знаю, все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас. Оскорбляйте сколько хотите... (Поднимает сигару.) А меланхолию пора бросать. Вы не гимназист...

Иванов. Я вам что сказал? (Дрожа.) Вы играете мною?

Входит Анна Петровна.

IX

Боркин. Ну вот, Анна Петровна пришла... Я уйду. (Уходит.)

Иванов останавливается возле стола и стоит, поникнув головой.

Анна Петровна (после паузы). Зачем она сейчас сюда приезжала?

Пауза. Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приезжала?

Иванов. Не спрашивай, Анята.

Пауза.

Я глубоко виноват. Придумывай какое хочешь наказание, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не в силах.

Анна Петровна (сердито). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобой... Ты лгал мне

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову...

Иванов. Анята, я никогда не лгал тебе...

Анна Петровна. Жила я с тобою пять лет, томилась и болела, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты обманывал меня самым наглым образом...

Иванов. Анята, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

Иванов. О боже мой! Анята, испытывать так терпение... (Плачет.)

Анна Петровна. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру... Теперь я все помню и понимаю. (Плачет.) Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..

Иванов. Сарра, это ложь!.. Говори что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве не правда?

Иванов (задыхаясь). Замолчи, ради бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю - чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... (Кричит.) Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? (Борется с собою.) Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (садится, упавшим голосом). Когда он сказал?

Пауза.

Иванов (хватая себя за голову). Как я виноват! Боже, как я виноват! (Рыдает.)

Занавес.

Между третьим и четвертым действиями проходит около года.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одна из гостиных в доме Лебедева. Впереди арка, отделяющая гостиную от зала, направо и налево - двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. В продолжение

всего действия по залу ходят гости, одетые по-бальному.

I

Львов (входит, смотрит на часы). Пятый час. Должно быть, сейчас начнется благословение... Благословят и повезут венчать. Вот оно, торжество добродетели и

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

правды! Сарру не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил, теперь нашел другую. Будет и перед этою лицемерить, пока не ограбит ее и, ограбивши, не уложит туда же, где лежит бедная Сарра. Старая, кулачская история...

Пауза.

На седьмом небе от счастья, прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет со спокойною совестью. Нет, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила! Я честный человек, мое дело вступить и открыть глаза слепым. Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда! (Задумывается.) Но что сделать? Объясняться с Лебедевыми – напрасный труд. Вызвать на дуэль? Затеять скандал? Боже мой, я волнуюсь, как мальчишка, и совсем потерял способность соображать. Что делать? Дуэль?

II

Косых (входит, радостно Львову). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а взял большой. Только опять этот Барабанов мне всю музыку испортил! Играем. Я говорю: без козырей. Он пас. Два трефы. Он пас. Я два бубны... три трефы... и, представьте, можете себе представить: я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он, мерзавец, туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

Львов. Простите, я в карты не играю и потому не сумею разделить вашего восторга. Скоро благословение?

Косых. Должно, скоро. Зюзюшку в чувство приводят. Белугой ревет, приданого жалко.

Львов. А не дочери?

Косых. Приданого. Да и обидно. Женится, значит, долга не заплатит. Зятевы векселя не протестуешь.

III

Бабакина (разодетая, важно проходит через сцену мимо Львова и Косых; последний прыскает в кулак; она оглядывается). Глупо!

Косых касается пальцем ее талии и хохочет.

Мужик! (Уходит.)

Косых (хохочет). Совсем спятила баба! Пока в сиятельство не лезла была баба как баба, а теперь приступу нет. (Дразнит.) Мужик!

Львов (волнуясь). Слушайте, скажите мне искренне: какого вы мнения об Иванове?

Косых. Ничего не стоит. Играет как сапожник. В прошлом году, в посту, был такой случай. Садимся мы играть: я, граф, Боркин и он. Я сдаю...

Львов (перебивая). Хороший он человек?

Косых. Он-то? Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошел. Он и граф – пятак пара. Нюхом чуют, где что плохо лежит. На жидовке нарвался, съел гриб, а теперь к Зюзюшкиным сундукам подбирается. Об заклад бьюсь, будь я трижды анафема, если через год он Зюзюшку по миру не пустит. Он – Зюзюшку, а граф – Бабакину. Заберут денежки и будут жить-поживать да добра наживать. Доктор, что это вы сегодня такой бледный? На вас лица нет.

Львов. Ничего, это так. Вчера лишнее выпил.

IV

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Львову и Косых.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно.

Косых (проходя мимо Саши, восторженно щелкает пальцами). Картина! Козырная дама!

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи!

Львов и Косых уходят.

Садись, Шурочка, вот так... (Садится и оглядывается.) Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем: твоя мать приказала мне передать тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Папа, покороче!

Лебедев. Тебе в приданое назначается пятнадцать тысяч рублей серебром... Вот... Смотри, чтоб потом разговоров не было! Постой, молчи! Это только цветки, а будут еще ягодки. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание... Ну-с, а потом, кроме того...

Саша. Для чего ты мне это говоришь?

Лебедев. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня в покое! Если бы ты хотя немного уважал меня и себя, то не позволял бы себе говорить со мною таким образом. Не нужно мне вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом уж ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедев (вспылив). Тьфу! Все вы то сделаете, что я себя ножом пырну или человека зарежу! Та день-деньской ревмя ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца! Я оскорбляю слух! Да ведь прежде, чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там (указывает на дверь) на куски резали, четвертовали. Не может она понять! Голову вскружили и с толку сбили... ну вас! (Идет к двери и останавливается.) Не нравится мне, все мне в вас не нравится!

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Все мне не нравится! Все!

Саша. Что все?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать. Ничего мне не нравится, а на свадьбу твою я и смотреть не хочу! (Подходит к Саше и ласково.) Ты меня извини, Шурочка, может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то, не то! Не походит она на другие свадьбы. Ты - молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он - вдовец, истрепался, обносился. И не понимаю я его, бог с ним. (Целует дочь.) Шурочка, прости, но что-то не совсем чисто. Уж очень много люди говорят. Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел... (Живо) Впрочем, я баба, баба. Обабился, как старый кринолин. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

Саша. Папа, я и сама чувствую, что не то... Не то, не то, не то. Если бы ты знал, как мне тяжело! Невыносимо! Мне неловко и страшно сознаваться в этом. Папа, голубчик, ты меня подбодри, ради бога... научи, что делать.

Лебедев. Что такое? Что?

Саша. Так страшно, как никогда не было! (Оглядывается.) Мне кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его невеста, он ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянул мне прямо в глаза. Вечно жалобы, раскаяние в чем-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бывают даже минуты, когда мне кажется, что я... я его люблю не так сильно, как нужно. А когда он приезжает

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

к нам или говорит со мною, мне становится скучно. Что это все значит, папочка? Страшно!

Лебедев. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай старого отца. Откажи ему!

Саша (испуганно). Что ты, что ты!

Лебедев. Право, Шурочка. Скандал будет, весь уезд языками затрезвонит, но ведь лучше пережить скандал, чем губить себя на всю жизнь.

Саша. Не говори, не говори, папа! и слушать не хочу. Надо бороться с мрачными мыслями. Он хороший, несчастный, непонятый человек; я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Решено!

Лебедев. Не задача это, а психопатия.

Саша. Довольно. Я покаялась тебе, в чем не хотела сознаться даже самой себе. Никому не говори. Забудем.

Лебедев. Ничего я не понимаю. Или я отупел от старости, или все вы очень уж умны стали, а только я, хоть зарежьте, ничего не понимаю.

V

Шабельский (входя). Черт бы побрал всех и меня в том числе! Возмутительно!

Лебедев. Тебе что?

Шабельский. Нет, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою. Честное слово! Я уж сказал Боркину, чтобы он объявил меня сегодня женихом. (Смеется.) Все подлы, и я буду подл.

Лебедев. Надоел ты мне! Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези. Сделай милость. Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные, сам я гадок себе, не верю ни одному своему слову...

Лебедев. Знаешь что, брат? Возьми в рот паклю, зажги и дыши на людей. Или еще лучше: возьми свою шапку и поезжай домой. Тут свадьба, все веселятся, а ты кра-кра как ворона. Да, право...

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Батюшки!.. Матвей!.. граф!.. Что с тобою? Матюша, родной мой... ангел мой... Я обидел тебя? Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельский. Не нужно. (Поднимает голову.)

Лебедев. Чего ты плачешь?

Шабельский. Ничего, так...

Лебедев. Нет, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельский. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жидовочку вспомнил...

Лебедев. Эва, когда нашел вспоминать! Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Шабельский. Мы с нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

Саша рыдает.

Лебедев. Ты еще что? Будет тебе! Господи, ревут оба, а я... я... Хоть уйдите

отсюда, гости увидят!

Шабельский. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело. Когда есть надежда, то и в старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедев. Да, действительно тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни занятий... Ну, да что делать! (Саше.) А ты-то чего?

Шабельский. Паша, дай мне денег. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж, погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же прошу я у друга...

Лебедев (растерянно). Голубчик, у меня ни копейки! Впрочем, хорошо, хорошо! То есть я не обещаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! (В сторону.) Замучили!

VI

Бабакина (входит). Где же мой кавалер? Граф, как вы смеете оставлять меня одну? У, противный! (Бьет графа веером по руке.)

Шабельский (брезгливо). Оставьте меня в покое! Я вас ненавижу!

Бабакина (оторопело). Что?.. А?..

Шабельский. Отойдите прочь!

Бабакина (падает в кресло). Ах! (Плачет.)

Зинаида Савишна (входит, плача). Там кто-то приехал... Кажется, женихов шафер. Благословлять время... (Рыдает.)

Саша (умоляюще). Мама!

Лебедев. Ну, все заревели! Квартет! Да будет вам сырость разводить! Матвей!.. Марфа Егоровна!.. Ведь этак и я... я заплачу... (Плачет.) Господи!

Зинаида Савишна. Если тебе мать не нужна, если без послушания... то сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Входит Иванов; он во фраке и перчатках.

VII

Лебедев. Этого еще недоставало! Что такое? Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине.

Лебедев. Это не порядок, чтоб до венца к невесте приезжать! Тебе пора ехать в церковь!

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев пожимает плечами; он, Зинаида Савишна, граф и Бабанина уходят.

VIII

Саша (сурово). Что тебе нужно?

Иванов. Меня душит злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины. Шура, не надо! Пока еще не поздно, нужно прекратить эту бессмысленную комедию... Ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу раз, и мне надоело! Поезжай в церковь, не задерживай людей.

Иванов. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет. Объясни им как-нибудь. Пора взяться за ум. Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу - и

будет с нас.

Саша (вспыхнув). Это что за тон? Я не слушаю.

Иванов. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачем приехал? Твое нытье переходит в издевательство.

Иванов. Нет, уж я не ною! Издевательство? Да, я издеваюсь. И если бы можно было издеваться над самим собою в тысячу раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то я бы это сделал! Взглянул я на себя в зеркало – и в моей совести точно ядро лопнуло! Я надсмеялся над собою и от стыда едва не сошел с ума. (Смеется.) Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостает еще, чтобы я стихи писал. Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил свое, что я поддался слабодушию и по уши увяз в этой гнусной меланхолии, сознавать это, когда солнце ярко светит, когда даже муравей тащит свою ношу и доволен собою, – нет, слуга покорный! Видеть, как одни считают тебя за шарлатана, другие сожалеют, третьи протягивают руку помощи, четвертые, – что всего хуже, – с благоговением прислушиваются к твоим вздохам, глядят на тебя как на второго Магомета и ждут, что вот-вот ты объявишь им новую религию... Нет, слава богу, у меня еще есть гордость и совесть! Ехал я сюда, смеялся над собою, и мне казалось, что надо мною смеются птицы, смеются Деревья...

Саша. Это не злость, а сумасшествие!

Иванов. Ты думаешь? Нет, я не сумасшедший. Теперь я вижу вещи в настоящем свете, и моя мысль так же чиста, как твоя совесть. Мы любим друг друга, но свадьбе нашей не быть! Я сам могу беситься и киснуть сколько мне угодно, но я не имею права губить других! Своим нытьем я отравил жене последний год ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарела на пять лет. Твой отец, для которого было все ясно в жизни, по моей милости перестал понимать людей. Еду ли я на съезд, в гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу с собою скуку, уныние, недовольство. Постой, не перебивай! Я резок, свиреп, но, прости, злоба душит меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгал, не клеветал на жизнь, но, ставши брюзгой, я, против воли, сам того не замечая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякий, слушая меня, заражается отвращением к жизни и тоже начинает клеветать. А какой тон! Точно я делаю одолжение природе, что живу. Да черт меня возьми!

Саша. Постой... Из того, что ты сейчас сказал, следует, что нытье тебе надоело и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

Иванов. Ничего я отличного не вижу. И какая там новая жизнь? Я погиб;, безвозвратно! Пора нам обоим понять это. Новая жизнь!

Саша. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погиб? Что за цинизм такой? Нет, не хочу ни говорить, ни слушать... Поезжай в церковь!

Иванов. Погиб!

Саша. Не кричи так, гости услышат!

Иванов. Если неглупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь Лазаря и покатил вниз по наклонной плоскости, то он катит уже без удержу, и нет ему спасения! Ну, где мое спасение? В чем? Пить я не могу – голова болит от вина; плохих стихов писать – не умею; молиться на свою душевную лень и видеть в ней нечто превыспреннее – не могу. Лень и есть лень, слабость есть слабость, – других названий у меня нет. Погиб, погиб – и разговоров быть не может! (Оглядывается.) Нам могут помешать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги мне. Сию же минуту, немедленно откажись от меня! Скорее...

Саша. Ах, Николай, если бы ты знал, как ты меня утомил! Как измучил ты мою душу! Добрый, умный человек, посуди: ну, можно ли задавать такие задачи? Что ни день, то задача, одна труднее другой... Хотела я деятельной любви, но ведь это мученическая любовь!

Иванов. А когда ты станешь моею женой, задачи будут еще сложнее. Откажись же!

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Пойми: в тебе говорит не любовь, а упрямство честной природы. Ты задалась целью во что бы то ни стало воскресить во мне человека, спасти, тебе льстило, что ты совершаешь подвиг... Теперь ты готова отступить назад, но тебе мешает ложное чувство. Пойми!

Саша. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я от тебя отказаться? Как я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разорен, имение твоё растащили, на тебя кругом клеветают...

Иванов. Глупо я сделал, что сюда приехал. Мне нужно было бы поступить так, как я хотел.

Входит Лебедев.

IX

Саша (бежит навстречу отцу). Папа, ради бога, прибежал он сюда как бешеный и мучает меня! Требуется, чтобы я отказалась от него, не хочет губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушия! Я знаю, что делаю.

Лебедев. Ничего не понимаю... Какое великодушие?

Иванов. Свадьбы не будет!

Саша. Будет! Папа, скажи ему, что свадьба будет! Лебедев. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

Иванов. Я объяснил ей почему, но она не хочет понимать.

Лебедев. Нет, ты не ей, а мне объясни, да так объясни, чтобы я понял! Ах, Николай Алексеевич! Бог тебе судья! Столько ты напустил туману в нашу жизнь, что я точно в кунсткамере живу: гляжу и ничего не понимаю... Просто наказание... Ну, что мне прикажешь, старику, с тобою делать? На дуэль тебя вызвать, что ли?

Иванов. Никакой дуэли не нужно. Нужно иметь только голову на плечах и понимать русский язык.

Саша (ходит в волнении по сцене). Это ужасно, ужасно! Просто как ребенок!

Лебедев. Остается только руками развести, и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, а по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум! Гляди на вещи просто, как все глядят! На этом свете все просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий. Ты Сашу любишь, она тебя любит. Коли любишь – оставайся, не любишь – уходи, в претензии не будем. Ведь это так просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава богу, и одеты... Что ж тебе еще нужно? Денег нет? Велика важность! Не в деньгах счастье... Конечно, я понимаю... имение у тебя заложено, процентов нечем платить, но я – отец, я понимаю... Мать как хочет, бог с ней; не дает денег – не нужно. Шурка говорит, что не нуждается в приданом. Принципы, Шопенгауэр... Все это чепуха... Есть у меня в банке заветные десять тысяч. (Оглядывается.) Про них в доме ни одна собака не знает... Бабушкины... Это вам обоим... Берите, только уговор лучше денег: Матвею дайте тысячи две...

В зале собираются гости.

Иванов. Паша, разговоры ни к чему. Я поступаю так, как велит мне моя совесть.

Саша. И я поступаю так, как велит мне моя совесть. Можешь говорить что угодно, я тебя не отпущу. Пойду позову маму. (Уходит.)

X

Лебедев. Ничего не понимаю...

Иванов. Слушай, бедняга... Объяснять тебе, кто я – честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуешь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходовать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал; не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь – вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сгорает со стыда, издевается над своею слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! (Пошатываясь...) Эка, как я уходил себя! Даже шатаюсь... Ослабел я. Где Матвей? Пусть он сvezет меня домой.

Голоса в зале: "женихов шафер приехал!"

XI

Шабельский (входя). В чужом, поношенном фраке... без перчаток... и сколько за это насмешливых взглядов, глупых острот, пошлых улыбок... Отвратительные людишки!

Боркин (быстро входит с букетом; он во фраке, с шаферским цветком). Уф! Где же он? (Иванову.) Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. Вот комик! Ей-богу, комик! Ведь вам надо не с невестой ехать, а отдельно со мною, за невестой же я приеду из церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно комик!

Львов (входит, Иванову). А, вы здесь? (Громко.) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец! Иванов (холодно). Покорнейше благодарю.

Общее замешательство.

Боркин (Львову). Милостивый государь, это низко! Я вызываю вас на дуэль!

Львов. Господин Боркин, я считаю для себя унижительным не только драться, но даже говорить с вами! А господин Иванов может получить удовлетворение, когда ему угодно.

Шабельский. Милостивый государь, я дерусь с вами!

Саша (Львову). За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть он мне скажет: за что?

Львов. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда, как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня.

Саша. Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это весь свет знает! Вы лучше скажите мне по чистой совести: понимаете вы себя или нет! Вошли вы сейчас сюда, как честный человек, и нанесли ему страшное оскорбление, которое едва не убило меня; раньше, когда вы преследовали его, как тень, и мешали ему жить, вы были уверены, что исполняете свой долг, что вы честный человек. Вы вмешивались в его частную жизнь, злословили и судили его; где только можно было, забрасывали меня и всех знакомых анонимными письмами, – и все время вы думали, что вы честный человек. Думая, что это честно, вы, доктор, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрениями. И какое бы насилие, какую жестокою подлость вы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек!

Иванов (смеясь). Не свадьба, а парламент! Браво, браво!..

Саша (Львову). Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Тупые, бессердечные люди! (Берет Иванова за руку.) Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем!

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Иванов. Куда там пойдём? Постой, я сейчас все это кончу! Проснулась во мне молодость, заговорил прежний Иванов! (Вынимает револьвер.)

Саша (вскрикивает). Я знаю, что он хочет сделать! Николай, бога ради!

Иванов. Долго катил вниз по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

Саша (кричит). Николай, бога ради! Удержите!

Иванов. Оставьте меня! (Отбегает в сторону и застреливается.)

Занавес.

1887-1889

ПРИМЕЧАНИЯ

"Иванов" – первая пьеса Чехова, увидевшая сцену. И уже в этой первой попытке ниспровергнуть каноны традиционной драматургии. "Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами пойдика найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам... Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела... никого не обвинил, никого не оправдал..." – писал Чехов брату, Ал. П. Чехову, 24 октября 1887 г., вскоре по окончании пьесы. Его герой – принципиально обыкновенный. "Я... пишу и непременно напишу драму... "Иван Иванович Иванов"... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой... И это именно очень трудно..." – говорил он В. Г. Короленко во время работы над "Ивановым" ("Чехов в восп.", с. 143). Но несмотря на трудности, написал он пьесу удивительно легко: "Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда я не работал или писал другое" (Ал. П. Чехову, 10-12 октября 1887 г.). И пьеса "вышла легкая, как перышко, без одной длинноты. Сюжет небывалый" (Ал. П. Чехову, 6-7 октября). Поначалу писатель, несмотря на замеченные им кое-где недостатки в пьесе, был доволен работой:

"Вся моя энергия ушла на немногие действительно сильные и яркие места; мостики же, соединяющие эти места, ничтожны, вялы и шаблонны. Но я все-таки рад; как ни плоха пьеса, но я создал тип, имеющий литературное значение, я дал роль... на которой актеру можно развернуться и показать талант..." (Ал. П. Чехову, 10-12 октября). Но трудности еще были впереди.

Пьеса предназначалась для московского частного театра Ф. А. Корша, и театру она сразу пришлась по душе: "Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены..." – писал молодой драматург брату в том же письме. А актер В. Н. Давыдов (позднее выступал в Александрийском театре в Петербурге), которого Чехов непременно хотел видеть в роли Иванова, был, "к великому моему удовольствию, в восторге от пьесы, принял за нее горячо и понял моего Иванова так, как именно я хочу" (Н. М. Ежову, 27 октября). Однако тут же обнаружилось, что театр пьесу не понял. Поиски Чеховым новых форм, пусть и не до конца осуществленные, требовали от актеров более серьезного прочтения пьесы, что было не под силу театру Корша.

Ведь даже один из великих реформаторов русской сцены, один из создателей Московского Художественного театра, которому суждено было более чем через десятилетие дать сценическую жизнь чеховской драматургии, Вл. И. Немирович-Данченко в те, 80-е, годы "Иванова" не оценил. Пьеса показалась ему тогда "только черновиком для превосходной пьесы" (Вл. Ив. Немирович-Данченко. Из прошлого. "Academia", 1936, с. 11).

Пока пьеса готовилась к постановке, автор ее испытывал неуверенность, утомление, постоянное беспокойство. "Актеры не понимают, – писал он Ал. П. Чехову 24 октября, – несут вздор, берут себе не те роли, какие нужно, а я воюю, верую, что если пьеса пойдет не с тем распределением ролей, какое я сделал, то она погибнет". "...Корш обещал мне десять репетиций, а дал только 4, из коих репетициями можно назвать только две, ибо остальные две изображали из себя турниры, на коих г.г. артисты упражнялись в словопрениях и брани" (Ал. П.

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Чехову, 20 ноября). О неинтеллигентности, меркантильности, о душной обстановке в театре Корша Чехов писал и Н. А. Лейкину 4 ноября: "...актеры капризны, самолюбивы, наполовину необразованны, самонадеянны; друг друга терпеть не могут, и какой-нибудь N готов душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль... Корш – купец, и ему нужен не успех артистов и пьесы, а полный сбор... Женщин в его труппе нет, и у меня 2 прекрасные женские роли погибают ни за понюшку табаку... По мнению Давыдова, которому я верю, моя пьеса лучше всех пьес, написанных в текущий сезон, но она неминуемо провалится благодаря бедности коршевской труппы".

В начале октября 1887 г. отдал Чехов свою пьесу в театр Корша, а 19 ноября уже состоялась премьера. Как она проходила, подробно описывает брат драматурга, М. П. Чехов: "Театр был переполнен. Одни ожидали увидеть в "Иванове" веселый фарс в стиле тогдашних рассказов Чехова, помещавшихся в "Осколках", другие ждали от него чего-то нового, более серьезного, – и не ошиблись. Успех оказался пестрым: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но в общем "Иванова" не поняли... Я... помню, что происходило тогда в театре Корша. Это было что-то невероятное. Публика вскакивала со своих мест, одни аплодировали, другие шикали и громко свистели, третьи топали ногами. Стулья и кресла в партере были сдвинуты со своих мест, ряды их перепутались, сбились в одну кучу... сидевшая в ложах публика встревожилась и не знала, сидеть ей или уходить. А что делалось на галерке, то этого невозможно себе и представить: там происходило целое побоище между шикавшими и аплодировавшими" ("Вокруг Чехова", с. 187-188). Сам Чехов тоже писал о странном успехе, от которого у автора осталось "утомление и чувство досады. Противно, хотя пьеса имела солидный успех... Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия", – писал он Ал. П. Чехову на другой день после премьеры. Огорчало драматурга, что актеры играли неважно, "клоунничали", несли отсебятину, "роль знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению" (то же письмо). Правда, "второе представление прошло недурно..." (ему же, 24 ноября).

Чехов с большим вниманием прислушивался к отзывам об "Иванове", которые также были весьма противоречивы. Многие говорили о пьесе с восхищением, хотя при этом все же оставалось непонимание, недоумение, останавливало своеобразие ее. "Николай (брат писателя. – В. Л.), Шехтель и Левитан – т. е. художники – уверяют, что на сцене она до того оригинальна, что странно глядеть. В чтении же это незаметно", – сообщал писатель в том же письме брату. Зло, грубо реагировали на спектакль многие московские газеты. Больше всего поразил Чехова отзыв П. Кичеева в "Московском листке", который, как писал драматург брату, "обзывает мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребеденью" (24 ноября). А из Петербурга, где пьесу еще не видели, а только читали, он сообщает родным: "От пьесы моей все положительно в восторге, хотя и бранят меня за небрежность" (3 декабря). Вот таков был "пестрый" успех.

А между тем пьесу подхватила провинция. Еще за несколько дней до премьеры в театре Корша "Иванова" сыграл саратовский театр. Потом его поставили в Харькове, Ставрополе... "...Иванов" гуляет по Руси..." – пишет Чехов А. С. Киселеву 15 февраля 1888 г.

Однако сам автор испытывает творческую неудовлетворенность пьесой, смущает ее непонятость зрителями. Первой переделке он подверг "Иванова" сразу после премьеры. Уже второй спектакль шел с устраниением некоторых сцен, дававших актерам повод "клоунничать и выкидывать коленцы" (Ал. П. Чехову, 20 ноября 1887 г.). Сохранился цензурный экземпляр пьесы со значительной авторской правкой, не учтенной, правда, театром Корша.

Самая серьезная переработка "Иванова" была сделана Чеховым перед постановкой пьесы в петербургском Александринском театре в октябре – декабре 1888 г. Одновременно писатель готовил пьесу для журнала "Северный вестник" и тоже внес в текст ряд дополнительных исправлений. Комедия была превращена им в драму. Соответственно коренным образом переработана и вся стилистика пьесы: изъяты грубо-комические сцены, фривольности, вульгаризмы. Тоньше и глубже стали образы Иванова и Сарры. Уже 5–6 октября Чехов извещает А. С. Суворина: "В "Иванове" я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул ретуши и проч. Если и теперь не поймут моего "Иванова", то брошу его в печь и напишу

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
повесть "Довольно!". Однако и позднее, в декабре, он продолжает шлифовку пьесы, и только 19 декабря высылает "Иванова" в Петербург.

Для Чехова начинается новый, и очень беспокойный, этап работы над пьесой. Он сам тщательно распределяет роли, он вынужден разъяснять актерам характеры их будущих героев. Больше всего его беспокоят роли Львова ("Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека") и Иванова. Иванова, естественно, более всего. Из писем он понял, что режиссер и актеры далеки от авторского толкования этой роли, и попытался выяснить для них свою позицию, по-прежнему отстаивая "обыкновенность" Иванова: он не подлец и не герой, он натура "честная и прямая, как большинство образованных дворян". Но "натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям", Иванов быстро устал, отсюда, как полагал Чехов, "разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость..." (А. С. Суворину, 30 декабря). А в письме ему же от 7 января 1889 г. Чехов как бы подвел итог долгим разговорам об Иванове: "Я лелеял дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим "Ивановым" положить предел этим писаньям". Чехов при этом не только обличал Иванова, но и понимал безвыходность, драматичность его положения, потому что как его несчастья, так и его поступки, иногда кажущиеся нечестными, подлыми даже, определяются не его личными качествами, а общими условиями тогдашней русской жизни. Но сказать это впрямую было нельзя, да Чехов и сам еще не мог до конца понять социальную значимость им увиденного и запечатленного. Поэтому все его попытки прояснить идейный смысл пьесы (хоть и много было им сделано на этом пути) не увенчались успехом, который дал бы самому автору удовлетворение. Заканчивая уже переделку "Иванова", он писал 3 января 1889 А. С. Суворину: "...своей пьесы я не люблю и жалею, что написал ее я, а не кто-нибудь другой, более толковый и разумный человек".

19 января Чехов приехал в Петербург, чтобы лично участвовать в постановке "Иванова". Писательница Л. А. Авилова вспоминает: "...он очень недоволен артистами, не узнает своих героев и предчувствует, что пьеса провалится. Он признавался, что настолько волнуется и огорчается, что у него показывается горлом кровь... А ведь артисты прекрасные и играют прекрасно, но что-то чуждое для него, что-то "свое" играют" ("Чехов в восп.", с. 202-203). В конце января брату М. П. Чехову он пишет о том же: "Актеры играют плохо, из пьесы ничего путного не выйдет..."

31 января состоялась премьера в Александринском театре и, вопреки авторским опасениям, "имела громадный успех" (Д. Т. Савельеву, 4 февраля). "На его авторское счастье, пьеса шла в бенефис режиссера Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского... ввиду чего роли были распределены между лучшими силами труппы, без различия рангов и самолюбия, - вспоминает И. Л. Леонтьев-Щеглов. - Ансамбль вышел чудесный, и успех получился огромный. Публика принимала пьесу чутко и шумно... устроила автору... восторженную овацию. "Иванов", несмотря на многие сценические неясности, решительно захватил своей свежестью и оригинальностью, и на другой день все газеты дружно рассыпались в похвалах автору пьесы и ее исполнению" ("Чехов в воспоминаниях современников". М., Гослитиздат, 1952, с. 126-127). Последующие спектакли в Александринском театре тоже шли успешно. "Мои "Иванов" продолжает иметь колоссальный, феноменальный успех", - полушутя сообщает Чехов М. В. Киселевой 17 февраля 1889 г. Успех несколько успокоил автора, хотя спокойствие это было и не без примеси некоторой затаенной горечи: "Вы... утешаете меня насчет "Иванова"... уверяю Вас честным словом, - писал он 18 февраля И. Л. Леонтьеву-Щеглову, - я покоен и совершенно удовлетворен тем, что сделал и что получил. Я сделал то, что мог и умел, стало быть, прав: глаза выше лба не растут; получил же я не по заслугам, больше, чем нужно". И в последующем он, как правило, отзывался об этом своем детище нелестно: то называл его "Болвановым", то сообщал, что "надоел" он ему "ужасно; я не могу о нем читать, и мне бывает очень не по себе, когда о нем начинают умно и толково рассуждать" (И. Л. Леонтьеву-Щеглову, 16 марта 1889 г., А. С. Суворину, 5 марта 1889 г.). Видимо, удовлетворенности все же не было, да и не могло быть: "Иванов" явился только первым, хотя и важным, шагом к тому великому художественному открытию на русской сцене, которое суждено было совершить Чехову своими пьесами "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишневый сад".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Иванов. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!